

Сборник материалов научно-практической конференции

30 сентября – 3 октября 2014 года

**Музеи Крайнего Севера
III тысячелетия:
проблемы, опыт, перспективы**

Роль музея в жизни северного города
Особенности комплектования музейных коллекций
Опыт создания музейных экспозиций

Норильск
2016

УДК 069 (1-21)
ББК 79.1
М 89

М 89

Музеи Крайнего Севера III тысячелетия:

проблемы, опыт, перспективы

Сборник докладов III Международной научно-практической конференции

Под редакцией С.Г. Слесаревой – Норильск

ООО «Агентство «Кактус», 2016 – 104 с.

ISBN 978-5-9905597-1-4

В сборник включены выступления музейных работников на конференции «Музеи Крайнего Севера III тысячелетия: проблемы, опыт, перспективы», состоявшейся в Норильске в 2014 году, посвященной 75-летию основания Музея истории освоения и развития Норильского промышленного района. Сборник предназначен для использования в практической работе специалистами музеев и учреждений музейного типа, культурной и музейной общественностью.

УДК 069 (1-21)
ББК 79.1

ISBN 978-5-9905597-1-4

© Музей истории освоения и развития Норильского промышленного района, 2016.
© ООО «Агентство «Кактус», 2016.

Изучение и фотографирование архитектурного наследия Русского Севера. Значение краеведческих музеев в изучении культурного наследия

Брумфилд Уильям Крафт

Историк русской архитектуры, фотограф, защитник памятников архитектуры, автор книг и статей о проблемах сохранения архитектуры Русского Севера, профессор славистики Тулейнского университета Новый Орлеан, США

Почему мы изучаем, фиксируем и пытаемся сохранить памятники архитектуры – следы прошлых эпох? Традиционно считается, что исторические сооружения являются частью национального культурного наследия и поэтому являются объектами особой ценности. Но на практике эти достопримечательности забывались или даже разрушались по экономическим или политическим причинам. Когда я рос на американском Юге, эти вопросы были мне интересны задолго до того как я осознал, что Россия станет центром притяжения моей карьеры.

В повести Александра Солженицына «В круге первом» упоминается о том, как представитель советской элиты, увидев руины одной из разрушенных церквей, задумался о судьбе, ранее им не испытанной. Видимо, некоторые цивилизации повязаны со своими руинами, реликвиями, призраками и тенями. Россия – одна из таких цивилизаций. Американский Юг – вторая. Как заметил великий американский писатель Уильям Фолкнер, «прошлое не умерло. На самом деле оно даже не является прошлым».

Сходство между Россией и американским Югом впервые поразило меня во время посещения Ленинграда в 1971 году. Красота города, даже при всей его немощи, преследовала меня и напомнила о Новом Орлеане, основанном в 1718-м, через пятнадцать лет

после основания Санкт-Петербурга. Первоначальный облик обоих городов многим обязан французской военной инженерии.

Позже, уже после написания книг по русской архитектуре, я обратил свое внимание на русский Север. Я посетил и сфотографировал множество угасающих деревень, в архитектуре которых сохранилась жизнерадостная и творческая атмосфера ушедшего столетия. Для некоторых русских было проще принять меня как представителя «штатовского Юга» (начальные сведения о котором были получены из перевода «Унесённых ветром»), чем как гражданина США.

Во время моих путешествий по России я часто фотографировал военные мемориалы, которые существуют почти во всех русских селениях, даже в маленьких деревнях. Во многих городах американского юга есть похожие памятники тем, кто пал в бою. Воспитанный на Юге с его многочисленными мемориалами, посвящёнными битвам времен американской революции и Гражданской войны, я приобрел первые знания по военной истории, которые позже помогли мне понять Россию и русский менталитет.

Чтобы понять Россию, нужно переосмыслить представления о времени и пространстве. Страна живёт вне времени из-за своих габаритов и дорог, которые покрывают это пространство. Затем климат. На всё уходит больше времени, когда температура минус 20, когда каждый шаг по дороге, покрытой темным льдом, может привести к катастрофе. Или короткие, но яростные летние периоды, когда нет никакой защиты от жары, кроме как скрыться в тени и оставить серьёзную работу на другое время.

За последние сорок пять лет я побывал с научными целями в самых отдаленных частях России. Хотя начало моего исследования русского севера относится к 1988 году, когда я совершил поездку в Кижы, по-настоящему я этим занялся в 1995-м после путешествия в Вологду. Я объездил с фотокамерой Архангельскую, Вологодскую и Мурманскую области, Карелию, чтобы запечатлеть потрясающие, но находящиеся под угрозой разрушения архитектурные памятники Русского Севера: Каргополь, Феропонтово, Сольвычегодск, Кириллов, Тотьму, Великий Устюг, Соловки...

Моя работа там – как и в любой другой точке России – стала возможна благодаря помощи фонда Гуггенхайма, Национального совета по евразийским и восточно-европейским исследованиям,

Американского совета по международному образованию, Национального благотворительного фонда

гуманизма, международным программам научного обмена и декану факультета свободных искусств университета Тулэйна.

На личном уровне, особенно полезна была помощь американских коллег – Блэра Рубла (директор Института Кеннана по комплексному изучению России), Дэна Дэвидсона (директор Американского совета преподавателей русского языка, или АСПРЯЛ) и Джеймса Биллингтона, директора Библиотеки Конгресса и специалиста по русской истории. Важным компонентом моей работы и ее распространения стала поддержка Архива фотографий Национальной галереи искусств в Вашингтоне. Весной 1985 года фотоархив Национальной галереи предложил создать постоянную выставку моих черно-белых фотографий по русской архитектуре. В результате этого продуктивного сотрудничества все мои многочисленные фотографии (теперь и цветные снимки) будут сохранены для будущих поколений.

Я не могу в полной мере выразить все те положительные эмоции, которые мне принесло знакомство с Алексеем Комечем, директором Государственного института искусствознания. Мы познакомились в 1979 году и плодотворно общались до его трагической смерти от рака в марте 2007-го. С помощью Комеча я установил контакты с Министерством культуры, которое обеспечивало меня поддержкой во время моих практических исследований в российских регионах.

Среди других российских коллег, которые часто оказывали поддержку в ответственные моменты, необходимо вспомнить А.П. Кудрявцева (Президент академии архитектуры и инженерных наук), Д.О. Швидковского (ректор Московского архитектурного института) и Д.О. Саркисяна (директор Государственного музея архитектуры имени Щусева). В регионах России местные специалисты были очень великодушны, помогая при дальних переездах и делясь своими знаниями. Например, в Вологодской области я проехал сотни километров с М.И. Карачевым и О. Самусенко. Сотни фотографий из этих путешествий сегодня составляют важную часть моего архива.

Новый горизонт для моих исследований России открылся в 1999 году, когда Библиотека Конгресса и ее директор Джеймс Биллингтон пригласили меня принять участие в совместной русско-американской культурной и образовательной программе под названием «Встреча на границах». Программа была основана на предположении, что, несмотря на все очевидные различия в истории и культуре России и США, существуют параллели в русском движении на восток и американском движении на запад в погоне за национальной, трансконтинентальной судьбой. Факт в том, что эти два национальных продвижения, закончившиеся в Тихом океане, привели к «смыканию границ».

Цель программы – создание двуязычного сайта в интернете с большим количеством материалов по истории американского Запада и русского Востока, включая визуальные материалы и документы из библиотек

обеих стран. Этот сайт доступен всем, у кого есть Интернет, но целевая аудитория – студенты и преподаватели. Моя роль заключалась в фотографировании и описании традиционной русской архитектуры как основы для размышлений над продвижением России на Восток, с Крайнего Севера на Дальний Восток, с XV по XX век.

Предыдущие годы работы в качестве фотографа и историка дали мне обширные знания европейских традиций русской архитектуры, но теперь я должен был увидеть эту культуру с иного ракурса – в евразийском стиле. 17 августа 1999 года, сев в поезд на Ярославском вокзале Москвы, я достал снимки, плёнки и копии моих опубликованных работ и направился на восток. Конечный пункт – Сибирь... Ни один другой географический объект не имеет больше стереотипов, по большей части негативных. Во многих языках это слово ушло от традиционного смысла и стало означать место ссылки.

Мой путь проходил по старой дороге из Москвы через Владимир и Нижний Новгород, а оттуда до Вятки (ныне Киров). Появляется чувство границы, когда поезд движется на восток, мимо величественных разливов Волги и оставляет позади её высокий западный берег у Нижнего Новгорода. Это широкий канал, по которому купцы с Востока и завоеватели из Азии направлялись к землям древних славян. С другой стороны русские купцы, охотники, казаки и другие поселенцы направлялись на запад. Азия всё еще далеко, но Евразия, кажется, совсем близко.

И всё-таки это Европа. Сам Киров, расположенный в живописной холмистой местности, с панорамой на реку Вятку – это даже не начало конца европейского континента. Здесь, так же как и во время путешествий по западным регионам, местные специалисты были предупреждены о моём приезде, что помогло нам в совместной работе.

Из Кирова я направился в Пермь. Большую часть пути железная дорога идет вдоль реки Чепцы, притока Вятки. Пермь – привлекательный современный город с широкими бульварами. Что касается традиционной архитектуры, то в небольших городках севера, таких как Соликамск, Чердынь, Ныроб можно встретить большее разнообразие памятников. Во время моих восточных путешествий я обычно начинал со столицы региона, затем перемещался в более древние исторические поселения. Местные коллеги всегда помогали добраться до места.

Я вернулся в Пермь, сел на поезд до Екатеринбурга и, наконец, пересёк Уральский хребет, уехал из Европы и оказался в Азии. Однако Екатеринбург не показался мне менее европеизированным, чем Пермь. Для изучения советской (особенно конструктивистской) архитектуры в Екатеринбурге (прежнем Свердловске) мы найдём большое количество интересных памятников. Даже Москва не может похвастаться таким количеством зданий в стиле конструктивизма.

Местные архитекторы предлагают прокатиться в исторические места на севере – Невьянск и Верхотурье,

основанные как важные транзитные пункты по дороге в Сибирь для первых русских колонистов, которые спускались вниз по реке Тура в Тобольск. Я регулярно совершал путешествия на север, чтобы прочувствовать настоящую сибирскую дорогу, проложенную значительно севернее «московской дороги», появившейся в конце XVIII века. Символом того, что русские власти распространили свое влияние на Верхотурье, служат кремль и церковь Троицы, возвышающиеся над рекой Турой. Троицкий храм уникален не только из-за необычного расположения, но и вследствие интересного соединения элементов итальянского Возрождения, средневекового московского стиля, украинского барокко и особого художественного вкуса, проявившегося в отделке фасада керамическими элементами. Хотя внутреннее убранство пострадало из-за грабежей, и только недавно там начат ремонт, внешне церковь в прекрасном состоянии.

Мое настоящее знакомство с Сибирью произошло в Тюмени, также стоящей на реке Туре. Сейчас Тюмень наводнена нефтяными деньгами, но городу удалось сохранить уникальную деревянную архитектуру исторического центра, и некоторые храмы сейчас восстанавливают. Особенно впечатляющи церкви в стиле «сибирского барокко» начала XVIII века с украинскими влияниями. Из Тюмени я снова отправился на север, на этот раз в Тобольск – сибирскую столицу XVII века. С обрывистого берега могучего Иртыша горделиво смотрит тобольский Кремль с ансамблем церквей и башен – один из самых впечатляющих памятников Сибири. Большинство из городских церквей XVIII столетия всё еще не функционируют, хотя некоторые и были восстановлены в качестве приходов, как, например, польский костел.

Я подвел итоги своего сибирского путешествия в Омске, также расположенном на Иртыше. Центр Омска относительно хорошо сохранился и отражает процве-

тание Западной Сибири начала XX века. Помимо обновлённых православных церквей в Омске есть действующие мечети и отреставрированная деревянная синагога. Отправляясь на север по реке Иртыш, я посетил Тару, ещё одно раннее поселение (1594 год), охранявшее путь на восток. Только одна церковь из более чем десятка не была разрушена здесь в советский период. Посмотрев на дореволюционные изображения этих мест, можно понять, какое богатство было потеряно. Мы свернули с дороги в деревню, маленькие бревенчатые домики которой напомнили мне фотографии домов американских поселенцев XIX столетия.

Из Омска я направился в Новосибирск – важный железнодорожный центр, построенный в конце XIX века и являющийся теперь самым крупным мегаполисом Сибири. Здесь богато украшенные бревенчатые дома начала века стоят бок о бок с авангардными конструктивистскими архитектурными сооружениями и огромными зданиями сталинского периода. Большая часть интеллектуальной энергии приходит из расположенного неподалеку научного города-спутника Академгородка.

Дальше на моём пути были Барнаул, Томск, Красноярск и Енисейск. Томск знаменит своими деревянными домами с искусной декоративной гравировкой начала 20 века. Многие ещё стоят, особенно в татарском квартале, где реставрировали Белую мечеть. Как и в других частях Сибири, я наблюдал здесь многоэтническое сообщество, что примечательно для региона, где почти все приезжие.

Во время моего пребывания в Красноярске я проехал 340 километров на север до другого исторического города – Енисейска. В XVII веке Енисейск был одним из основных русских укрепленных пунктов в Сибири, и сохранившаяся архитектура напоминает о былом величии города. Как и повсюду, многие церкви были варварски разрушены в советский период.

Из Красноярска я направился в Иркутск, центр которого сравнительно неплохо сохранился со времен дореволюционного расцвета. Для меня было большим удовольствием консультироваться у профессора Иркутского университета и специалиста по истории польских ссыльных в Сибири Болеслава Шостаковича (он из той же семьи, что и великий композитор). Несмотря на разрушения советской эпохи, в Иркутске сохранилась самая интересная церковная архитектура азиатской части России, включая православную церковь XVIII века, фасады которой украшены декоративными элементами, созданными под влиянием буддистского искусства. Несмотря на лёгкий мороз, иркутскую золотую осень начала октября можно было назвать идеальной – лучшим примером «золотой осени» и самой подходящей для посещения одного из природных чудес света – озера Байкал.

Иркутск обозначил конец первого этапа моего сибирского вояжа. После продолжительных исследований в Архангельской и Вологодской областях зимой, весной и в начале лета я вернулся в Иркутск в начале сентября 2000-го для проведения третьей части моей работы для Библиотеки Конгресса – за месяц я должен был добраться до Владивостока. Я присутствовал при освящении нового католического костёла Непорочного Зачатия в Иркутске и видел, как восстанавливают буддистские храмы и монастыри в прибайкальских районах, населённых бурятами. Я проехал через Улан-Удэ, Читу, Нерчинск, Хабаровск – каждый из них был по-своему интересен.

И вот Владивосток, который грелся в лучах солнца, что было особенно приятно после серии тайфунов, зародившихся в ту пору в Японском море. Местные специалисты по сохранению исторического наследия показали мне также близлежащий Уссурийск и местный парк на Острове Русском.

В 2001 году я, как обычно, продолжил мои путешествия по русскому северу, но дополнительным пунктом моей летней программы стало изучение архитектуры Самары, включая Сызрань. Меня особенно поразила долина Волги и знаменитые Жигули. В мае 2002-го я впервые увидел Якутск, далее был Хабаровск, затем по реке Амур в Комсомольск-на-Амуре, где сосредоточена уникальная советская архитектура 1930-1950-х годов, отсюда – в Благовещенск – город, богатый архитектурными памятниками конца XIX – начала XX века. Позже мне посчастливилось много работать в Воронежской области и Татарстане, не забывал я и о моём любимом Русском Севере.

Во время всех своих поездок я был приятно поражён местной атмосферой, особенно в плане упорства энтузиастов-краеведов. Растущий интерес к региональной истории необходим сильному и цельному государству, состоящему из многих автономий.

На мой взгляд, на обширной территории России ощущение местного пространства – это основа чувства русскости в целом.

Я нашёл множество способов поделиться фотоматериалами и исторической информацией, собранными за десятилетия российских странствий. При поддержке Института Кеннана мои фотографии, снабжённые русскими и английскими текстами, получили новую жизнь в серии «Открывая Россию». Вот уже десятый том из этой серии готовится к печати московским издательским домом «Три квадрата». То же издательство выпустило и несколько моих толстых книг, посвящённых богатому архитектурному наследию Вологодской области. В мае 2006 года я был удостоен высокой чести быть избранным почетным зарубежным членом Российской Академии художеств.

Мои критики в России часто рассуждают так: «Зачем кто-то, и особенно американец, должен показывать нам эту архитектуру, если мы и так постоянно видим её, а от лучших европейских канонов она далека?». Русскую народную и традиционную архитектуру стоит изучать независимо от того, что когда-то создали в Европе. Современный опыт убедительно доказывает, что всегда необходимо напоминать о ценности архитектурного наследия и угрозах его существованию. Но, возможно, как настоящий сын Американского Юга, я слишком близко к сердцу принимаю непреходящую ценность архитектуры...